

Владимир Гурвич

Пыль на зеркале

Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу.

Данте

* * *

Лето выдалось необычно дождливым, каждый день начинался и кончался ливнем, солнце лишь изредка выглядывало из-за туч и тут же снова скрывалось за мрачными облаками.

Когда Дмитрий достал из почтового ящика красивый конверт и извлек из него необычайно учтливое письмо, в котором Церковь Всеобщего Единения приглашало его отправиться на религиозный семинар в Крым, то первое желание, что у него возникло, — это выбросить приглашение в мусоропровод. Ехать туда он не собирался, хотя бы по одной причине — ему просто нечего там делать. И все же откуда им известен его адрес? И тут же вспомнил, что собственной рукой вписал его в блокнот Питеру.

«А все-таки они умело работают — эти ловцы человеческих душ, — подумал он. — Ведь у него с ними не было никаких серьезных контактов,

случайно оказался на их мероприятии и тиснул об этом малюсенькую заметку. И вот они его уже записали в свой актив, приглашают на семинар. Ну, черт с ними».

Однако вечером с дачи неожиданно приехали жена с дочерью, и он переменял решение. К удивлению Дмитрия, Валентина не только одобрила его намерение принять приглашение, но даже вполне искренне обрадовалась тому, что в такие нелегкие времена ему выдалась возможность «бесплатно прокатиться к морю».

Через несколько дней они отправились на вокзал. Они стояли на платформе, жена давала ему последние указания, он же, наблюдая за вокзальной толчеей, почти не слушал ее. Мимо него шли люди, которые словно бурлаки тащили за собой гигантские баулы и чемоданы. И внезапно он обрадовался тому, что едет налегке, что отправляется в столь далекое путешествие всего лишь с небольшой сумкой. Он вдруг почувствовал прилив надежды; может быть, все же не все потеряно, если он еще способен так вот внезапно собраться и уехать. В молодости он был чрезвычайно легок на подъем, но в какой-то момент жизни ему начало казаться, что он отяжелел, стал пассивен и инертен, а каждый очередной шаг стал даваться со все большим трудом. Но теперь он понял, что это не совсем так, что у него еще

достаточно сил и что он просто засиделся на одном месте. Ему захотелось, чтобы поезд как можно скорее отошел бы от перрона, и он, наконец, остался бы со своими неожиданно появившимися новыми мыслями и чаяниями один. Дмитрий украдкой посмотрел на часы, чтобы узнать — сколько времени осталось до отправления.

В Симферополе он не был лет десять. Но несмотря на столь долгую разлуку с городом весь ландшафт привокзальной площади хорошо сохранился в его памяти. С его последнего приезда здесь практически ничего не изменилось, даже маршруты троллейбусов и автобусов, развозящих пассажиров по всему полуострову, брали старт с того же места. Почему-то это обстоятельство, не имеющие к нему никакого отношения, странным образом обрадовало его; в этом постоянстве он почувствовал ту прочность, которую не ощущал в самом себе.

Автобус, как и обещал Питер, находился в условленном месте. Дмитрий вошел в салон и выбрал кресло около окна. «Итак, я в Крыму и еду на религиозный семинар, — сказал он сам себе, откидываясь на мягкую спинку сиденья. — Зачем, с какой целью? Глупо. А почему глупо? Потому что я не верю в Бога? А может быть, верю? Это раньше я знал точно, что я атеист, вернее мне долго и тщательно это внушали. Но теперь-то я в этом

сильно сомневаюсь. Значит, я здесь для того, чтобы познакомиться с новыми людьми, с новыми идеями, послушать лекции, а заодно и смыть мою московскую грязь в море. Разве все это не стоит поездки? Разве я не заслужил, в конце концов, просто отдыха? Я ведь давно по-настоящему не отдыхал».

Дмитрий попытался рассмотреть других пассажиров автобуса. Салон был полупустой, все сидели поодиночке. Ехало несколько девушек и несколько мужчин в уже солидном возрасте. Так что в такой компании он вполне может чувствовать себя молодым. И это еще один плюс.

За окном мелькал разновысотный крымский пейзаж столь отличный от привычного словно большой стол плоского подмосковного. Вдали виднелись горы, за которыми по его расчету должно было плескаться море, а вдоль дороги простирались виноградники, которые словно альпинисты, не ведая страха высоты, взбирались вверх по крутым склонам.

«А ведь хорошо в Крыму хотя бы уже тем, что до Москвы несколько тысяч километров. А впереди целая неделя совсем другой жизни. И когда еще представится такая возможность. Да и представится ли вообще?»

В Гурзуфе их встречал Питер, как всегда веселый, обаятельный, хорошо говорящий

по-русски, но с забавным акцентом.

— Приветствую вас на гостеприимной крымской земле. Хорошо ли добрались? Сейчас вас будут расселять.

Широко улыбаясь, он подошел к Дмитрию и крепко пожал его руку.

— Я рад, что вы приехали, — сказал Питер. — Мне понравилась ваша статья о нас.

— По-моему заметка самая обыкновенная, — чуть заметно усмехнулся Дмитрий.

— Нет, вы первый, кто написал о нашем движении объективно в России. Вы же знаете, сколько на нас льют грязи. Поэтому мы очень ценим любую правдивую информацию. А у вас хватило смелости сказать правду. Мы благодарны вам.

Дмитрий подумал, что никакой смелости для того, чтобы изложить все те факты, коих он был свидетель, ему не требовалось. Никто не мешал ему писать то, что он хотел.

Хотя Питер и обещал, что их разместят быстро, на самом деле после того как он покинул их, сославшись на срочные дела, ими почти час никто не занимался. По-видимому, несмотря на то, что Питер явно не первый раз посещал эту страну, он так до конца и не усвоил существующие здесь темпы и порядки. Наконец появилась девушка и попросила всех следовать за ней.

Дом отдыха, который был снят для проведения семинара, располагался в старинном парке. Скорей всего, он был заложен еще в прошлом веке, так как тут на небольшой территории в промежутках между разросшимися деревьями умещались здания самых разнообразных архитектурных стилей: от затейливого барокко до безликих стеклянных, одетых в железобетонную оправу, сооружений.

Предводительствуя девушкой, их маленькая колонна обогнула большой современный красивый корпус и вошла в плюгавенький двухэтажный дом больше похожий на барак, который к тому же явно давно не ремонтировался: с потолка сыпался дождь из штукатурки, а от обоев отслоились огромные куски, бесстыдно оголяя полусгнившие доски.

Дмитрия поместили в двухместный номер — обшарпанный, с разбитой мебелью, и, как убедился он вечером, кишачий тараканами всех существующих на земле видов и мастей. С ним поселили пожилого украинца, который сразу же разделся и улегся спать. И, как затем убедился Дмитрий, его сосед избрал это занятие в качестве основного на все время своего пребывания на юге.

Темнота сгустилась быстро. Оставив спящего соседа в номере, Дмитрий направился к морю. Где-то совсем рядом громко играла музыка, которую то и дело заглушал топот ног; тесно,

прижавшись друг к другу, и поглощенные исключительно только собой, мимо него неслышными тенями проскользнули несколько пар. Десять лет его не было на море, а тут ничего не изменилось, идет все та же наполненная негой и эротикой жизнь. И пройдет еще 50 лет, а здесь все останется по-прежнему. Меняются лишь участники этого вечного праздника жизни; одни уходят в небытие, но другие тут же занимают их места на пляже, в новых и старых корпусах, в объятиях красивых женщин. И среди тех, кто уже никогда не появится на этом теплом ласковом берегу снова, вскоре окажется и он; от его пребывания тут не останется и следа, как не сохранилось его от тех, кто бродил по этой набережной двадцать, сто лет назад.

Дмитрий спустился с набережной к морю и подошел к кромке воды. Он погрузил в нее руку, она была холодной, южное солнце еще не успело, как следует прогреть ее.

Дмитрий сел на прохладные камни и стал смотреть на прямой, как клинок, луч лунной дорожки. И все же остается вопрос, зачем он приехал сюда? Религиозный семинар — эта версия для Валентины. Но он-то должен дать себе отчет, почему он здесь? Его словно кнутом пригнала сюда какая-то глухая тоска, желание каких-то неясных перемен. И надежда на то, что именно здесь они и

произойдут. Ведь именно с этой подсознательной целью люди и отправляются в путешествие, а вовсе не для того, чтобы поглазеть на красоты чужих мест. Это вторичная, не главная причина, которая служит лишь оправданием и прикрытием для первой и самой важной. Для него же тут открывается последний шанс хоть что-то изменить в своей жизни, избавиться от бесконечной тяготы своего существования. Он продолжал сидеть у кромки воды, прислушиваясь к окружающим его шумам. У него было чувство, что в любой момент может что-то случиться. Но пока все оставалось неизменным и лишь море, словно шаловливый ребенок играла волной, выбрасывая ее, то чуть сильнее, то чуть слабей на берег. Дмитрий вздохнул, встал и направился в корпус.

Утром за завтраком он увидел всех участников семинара. К его удивлению, в столовой набилось не менее ста человек. Публика показалась ему довольно разношерстной; молодые девушки соседствовали за столами с пожилыми мужчинами, по виду рафинированные интеллигенты — с типажам, которых можно в большом количестве встретить у пивных ларьков. Единственное, что всех как-то сближало — легкие курортные наряды, выставяющие на показ белую незагорелую кожу.

Его глаза как бы сами собой останавливались на лицах красивых девушек; таких оказалась не так

уж мало. Он поочередно смотрел на них и прикидывал, кто может стать его избранницей.

После того, как совместная трапеза успешно завершилась, на середину зала вышел Питер и громким зычным голосом объявил, что сразу же после завтрака в клубе состоится первая лекция.

Однако когда через 20 минут «семинаристы» собрались в актовом зале клуба, то народу там оказалось значительно меньше, нежели в столовой. С самого утра стояла хорошая погода, солнце призывно сверкало с безмятежного голубово неба и многие, естественно, предпочли откликнуться на этот зов и отправиться на пляж. У него тоже мелькнула подобная мысль, но затем он решил, что море подождет, а ему надо послушать лекции; ведь он же всегда испытывал интерес к таким вещам. Да и перед хозяевами семинара неудобно; они оплатили его поездку вовсе не для того, чтобы он только купался и загорал.

Дмитрий слушал лектора, и его все сильнее охватывало разочарование. Излагаемые им теории казались ему чересчур примитивными и эклектичными. Странные все же эти американцы люди, им кажется, что они открывают нечто никому неведомое, являют миру некие откровения, которые подобно землетрясению, должны потрясти буквально всех. На самом же деле все, что они говорят, невероятно банально и давно известно

более древним культурам.

После лекции им было объявлено, что они могут записаться в дискуссионные группы. Дмитрий выбрал «Христос и Россия». Особых пристрастий к религии он никогда не испытывал, скорей наоборот, в церкви его почему-то быстро охватывала скука, а все совершаемые там обряды казались какими-то бессмысленными. Он никак не мог понять, какое отношение они имеют к Богу, каким образом приближают к нему человека. Если есть Бог и если то, что о нем говорят, правда, то ему вполне по силам установить с любым из верующих непосредственный контакт, минуя часто весьма дорогостоящие услуги посредников. Наблюдая же за священниками, он всегда удивлялся тому, как это серьезные взрослые люди могут заниматься такими странными делами: бубнить молитвы, размахивать кадилами, водить за собой толпы народа во время религиозных праздников. Не случайно же, что многие церковные конфликты возникали из-за сущих пустяков, например, русский раскол — всего лишь из-за нескольких изменений в обряде.

После обеда в актовом зале вернулось еще меньше народа, но Дмитрий решил высидеть первый день «занятий» до конца. Ему хотелось посмотреть, кто еще записался в его группу и в каком направлении потечет дискуссия.

В группе оказалось человек десять, возглавлял

же ее сам Питер. Насколько было известно Дмитрию, он считался у них в церкви главным идеологом. Из этого факта он сделал вывод, что они придадут обсуждению этой темы особенное значение.

— Прежде всего, я предлагаю выбрать старосту группы, — сказал Питер. — Особых обязанностей у него не будет, он просто станет отмечать присутствующих и координировать нашу работу. Кого вы предлагаете?

К удивлению Дмитрия взоры большинства сидящих рядом с ним людей сфокусировались почему-то на нем. То ли подействовало на всех то обстоятельство, что он представляет известную столичную газету, то ли все уловили в нем какие-то неведомые ему задатки лидера. Как бы то ни было, но уже через несколько минут он вдруг превратился в старосту группы. Он ощутил, что это мгновенное и внезапное возвышение приятно ласкает его самолюбие и подумал, что его тщеславие все еще страдает от неутоленных амбиций.

— Я уступаю руль вашему старосте, — произнес Питер, — теперь руководить обсуждением будет он.

— Что ж, давайте попробуем, — сказал Дмитрий. — Только хочу сразу предупредить: я не считаю себя принадлежащим к какой-либо конфессии. Это не означает, что я не верю в Бога,

скорее я склоняюсь к тому, что он существует — в этом вопросе я, пожалуй, агностик. Мне представляется, что человечество до конца не нашло ответ на вопрос о том, есть ли Бог или его нет? А потому я придерживаюсь мнения, что каждый человек должен решать его самостоятельно. Поэтому если говорить о моей позиции, то я не приемлю не Бога, я не приемлю религии. Я считаю, что их претензии говорить от его имени ни на чем не обоснованы. Меня всегда удивлял этот плюрализм: Бог один, а конфессий множество. И каждая предъявляет свои права на абсолютную монополию представлять интересы Бога на земле.

— Любопытное мнение, — как показалось Дмитрию, недовольно проговорил Питер.

— А мне кажется, что ставить вопрос подобным образом бессмысленно, — вдруг проговорила девушка, сидящая прямо напротив Дмитрия. Насколько он помнил, она ехала сюда в том же автобусе, что и он. На вид ей было лет 25, густые светлые волосы обручем обрамляли приятное лицо. Он поймал себя на мысли, что, пожалуй, к ней следует приглядеться повнимательней. — Если исходить из ваших слов, то получается, что человеку совершенно не во что верить. Но из истории мы знаем, что эпохи безверья — самые опасные эпохи.

— А, по-моему, наоборот, именно периоды всеобщей веры самые страшные, — возразил Дмитрий. — Когда все люди верят в одно и тоже ими становится легко управлять. Можно взять в качестве примера эпоху инквизиторских костров или время, когда мы по команде сверху всем скопом строили коммунизм — сколько было тогда совершенно от имени государства преступлений. Такая всеобщая вера в один идеал и создает идеальные условия для манипулирования целыми народами.

— Но я говорю вовсе не об этом, — чуть ли не возмутилась незнакомка. — Я вовсе не хочу, чтобы все верили скопом в нечто общее, я за то, чтобы каждый искал собственную веру. Поэтому люди и выбирают свой путь к Богу. У одних он пролегает через православие, у других — через католичество, у третьих — через ислам.

— Никто не отрицает право каждого на поиск своей веры. Но я не понимаю, почему нам все время предлагают уже готовые рецепты в виде уже существующих религий. Причем, не просто предлагают, а требуют, чтобы человек непременно придерживался бы определенных воззрений. А если кто-то не соглашается с ними, то грозят всеми мыслимыми и не мыслимыми карами. И не только грозят.

— Подождите, подождите, — поспешно

прервал разгорающуюся дискуссию Питер. — Я, Дмитрий с вами не согласен и согласен вот с этой очаровательной девушкой. Нельзя отнимать у человека веру. Вера не только придает высший смысл жизни, но и спасает от гибели. Я могу подтвердить этот факт на собственном примере. Я был наркоманом, причем так пристрастился к наркотикам, что не мог прожить без них и дня. У меня не было жилья, я скитался по городам, ночевал на улице. В общем, как у вас говорится, у меня был образ жизни типичного вашего бомжа. Фактически я находился на пороге гибели. Но однажды случилось чудо, я встретился с человеком, который стал рассказывать мне про Христа. Конечно, я и раньше слышал все эти сказания, но до меня никогда не доходил их подлинный смысл. Тот человек внушил мне, что у меня есть все шансы вырваться из моей ситуации, так как этого желает Христос. Сначала я сопротивлялся его увещаниям, насмеялся над ними, но незаметно его слова все глубже проникали в мое сознание. Я стал меняться, я почувствовал, что у меня появляется шанс. И однажды наступил день, когда я решился на то, чтобы обойтись без наркотика. А теперь вы меня видите вместе с вами, в этом великолепном костюме. — Питер широко улыбнулся.

Дмитрий с изумлением слушал этот рассказ.

Кто бы мог признать в этом холемом джентльмене бывшего наркомана. Конечно, он уважает уверенность Питера в том, что его вытащила из беды именно вера в Христа. И все же у него на этот счет существует свое мнение.

— Но мне кажется, что в данном случае речь идет скорей не о вере, а о самовнушении. Хотя это тоже вера, но все же не совсем та, о которой говорит Питер. Ведь лечат же алкоголизм, наркоманию с помощью гипноза. А тут Питеру удалось внушить себе, что он сможет спасти себя сам. А то, что побудительным мотивом явились для него рассказы о Христе, то, на мой взгляд, в любом деле должна быть толчковая нога.

Дмитрию показалось, что у Питера потемнели глаза. «Кажется, ему не нравятся мои слова». Впрочем, в данный момент его гораздо больше интересовала не реакция Питера, а девушка.

— Мне кажется, — сказал Питер, — нам целесообразно вернуться к основной теме нашего обсуждения.

Но Дмитрий уже потерял интерес к дальнейшему продолжению разговора, он вдруг ощутил волнение. Он уже несколько раз встречался с большими зеленоватыми, как у кошки, глазами девушки, и эта зеленоокая бездна все больше притягивала его.

В этот день ему все-таки немного удалось

повалиться на пляже. Однако дело шло уже к вечеру, солнце начало садиться в море, оттуда же словно в качестве обмена прилетел прохладный ветерок. Быстренько окунувшись в еще не прогретую воду, Дмитрий собрал пожитки и отправился в номер.

Девушку он снова увидел только утром. Она направлялась в столовую в компании с несколькими женщинами. Он пошел следом за ними. Ему хотелось, чтобы она обернулась и увидела своего преследователя, но она шла вперед, словно нарочно не поворачивая головы.

В столовой он занял столик по соседству с ней, причем постарался сесть так, чтобы видеть ее лицо. Ему было немного неудобно перед собой за все эти уловки, но он знал одну свою особенность — он никогда не умел по-настоящему ухаживать за женщинами. Всегда это выходило у него как-то неуклюже. Наблюдая же за своей избранницей, он сделал неутешительный для себя вывод, что она скорей всего относится к тому типу женщин, которые никогда не делают первыми шаги в сторону мужчин. А это означает, что если он желает чего-либо добиться, то всю инициативу ему придется взять на себя.

Внезапно он почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. И почти в тоже мгновение понял причину своего сердцебиения —

она смотрела на него. Он улыбнулся ей, но вместо того, чтобы ответить ему тем же, девушка перевела взгляд в сторону. Дмитрий понял, что пока контакт у них не состоялся и ощутил, как у него тут же испортилось настроение.

Чтобы взбодриться, сразу после завтрака он отправился на море и с разбега бросился в прохладную воду. Когда он вышел на берег, то ему показалось, что внутреннее напряжение в нем ослабло.

На этот раз в актовом зале сидело еще меньше народу. Поэтому отыскать девушку не представляло большого труда. Невольно он посочувствовал организаторам семинара; вряд ли они думали, что приглашенные на него, окажутся столь неблагодарными и столь откровенно продемонстрируют свое равнодушие к богословским проблемам. Хотя адепты церкви Единения здесь и находятся вроде бы не первый год, но кажется, так и не уяснили по-настоящему характер народа, среди которого собираются заниматься миссионерской деятельностью.

Дмитрий занял место недалеко, но и не так чтоб уж очень близко от зеленоокой красавицы. Он решил, что будет здесь сидеть до тех пор, пока и она находится в зале.

После обеда началась «работа» в группах. Они расселись по местам, и Питер, как показалось

Дмитрию, не без опасения взглянул на него.

— Мне бы хотелось, — сказал Питер, — чтобы сегодня мы бы обсудили перспективы христианского движения в России. Я выскажу, как это у вас говорят, для затравки свое мнение. Мне кажется, что эти перспективы очень велики, ваша страна, освободившись от власти коммунизма, срочно нуждается в замене идеологии, причем, учитывая характер русского народа, она должна быть не менее сильная и влиятельная, чем коммунистическая. И я не вижу другой такой идеи, кроме как христианство. И я уже заметил, что люди возвращаются к традиционным христианским ценностям. Мы понимаем, что в России имеются вековые традиции православия, и наша церковь вовсе не собирается противопоставлять им свои представления. Наш преподобный учитель господин Кун всегда выступает против того, чтобы кому-либо навязывать свои воззрения, он лишь открывает людям ту истину, которую ему в свою очередь открывает Бог. Я только не понимаю, почему православная церковь столь непримиримо относится к другим христианским доктринам. Разве каждый человек не вправе искать свой путь к Господу?

Вступать в дискуссию Дмитрию не хотелось, он пришел на занятие группы главным образом из-за того, что не хотел потерять девушку из вида.

Но почему-то все взоры снова дружно обратились на него, по-видимому, после вчерашних выступлений он, сам того не желая, превратился в основного оппонента Питера. И волей неволей ему теперь придется подтверждать эту свою репутацию.

— Мне представляется, — произнес он, — что, несмотря на определенный ренессанс у православной церкви в России нет большого будущего. По крайней мере, в том виде, в каком она существует теперь. На мой взгляд, извечная беда православия состоит в том, что придавая повышенное значение развитию духовной сферы, она очень мало внимания всегда обращала на прагматичные аспекты жизни, она не предлагала верующим конкретного кодекса поведения в повседневной жизни. В православии как бы внутренне заложена мысль, что она должна оставаться без изменений, что перемены не для нее. Если даже взглянуть на облик наших священников, то сразу бросается в глаза, насколько архаично они выглядят, насколько их одежда не совпадает с современной модой; невольно думаешь, что люди в таких одеяниях, просто не могут мыслить по-современному. Я не отрицаю, что православием накоплен большой духовный потенциал, но когда мы имеем дело с реальной действительностью, то он оказывается просто не востребуемым. Возникает серьезный зазор между высшим и

низшим при почти полном отсутствии середины. А когда отсутствует середина — это всегда опасно, значит, людей будут затягивать водоворот крайностей. А это чревато печальными последствиями. Вот и получается, что люди ходят в церковь, молятся, соблюдают обряды, но их религиозность остается абстрактной, она не затрагивает их ежедневного существования. Может быть, отсюда и берут многие истоки трагедий русского народа. Впрочем, как мне кажется, эта беда не только православия, другие христианские конфессии тоже грешат этими недостатками. Христианство, которое вот уже 2 тысячи лет без устали говорит о необходимости преобразования мира, о том, что человек должен победить свою звериную природу, так и не выработала те приемы, позволяющие достичь этой цели. В сущности, оно демонстрирует лишь то, что само неспособно изменяться, хотя бы по той причине, что не знает конкретно, как это сделать. У ислама существует практика суфизма, у буддистов — дзен-буддизм. А что есть у христианства, какой она выработала механизм преобразования человеческой личности? Все христианство это не более, чем декларация, рассказ о своих добрых намерениях. Мне нравится, Питер, что ваша церковь ставит задачу объединения всех христианских церквей. Но я не совсем уверен в том, что если даже это и случится, что

принципиально изменится. Конечно, конфликтов на почве религиозной розни станет меньше, но приобретет ли человечество новое лицо? Боюсь, что в целом перемен окажется не так уж много.

— Что же вы предлагаете? — как-то сквозь зубы процедил Питер.

— Ничего не предлагаю, — пожал плечами Дмитрий. — Я просто высказываю свои мысли.

«То, что Питер уже даже не скрывает своего недовольства, — это его проблема. Я не обещал ему свою лояльность. Меня гораздо больше интересует мнение «моей» девушки».

Судя по всему его выступление зарядило на активность остальных участников группы, и дискуссия оживилась. Но насколько он мог судить, никто из говоривших по-настоящему так и не понимал обсуждаемой ими темы и в чем заключаются его разногласия с Питером. К его огорчению девушка не принимала участия в разговоре, она молча сидела и казалось, думала о чем-то своем, не обращая ни на кого из присутствующих внимания. А ведь все его разглагольствования были обращены только к ней, не сидела она бы тут стал бы он так изгаляться. Меньше всего в данную минуту его занимали перспективы христианства в России.

Заседание группы, наконец, закончилось, Дмитрий встал со своего места с твердым

намерением немедленно заговорить с девушкой. Но в эту минуту к нему со своей неизменной улыбкой подошел Питер.

— Дмитрий, мне бы хотелось с вами поговорить. Вы не против, если мы пройдем в мой номер?

Дмитрий едва не выругался вслух, только он созрел для решительного шага — и вот все срывается. Естественно, что Питеру отказать он не может, все-таки это благодаря ему он оказался здесь. И о чем совсем не жалеет.

— Или я нарушаю ваши планы? — вежливо поинтересовался Питер.

— Какие могут быть планы на отдыхе, — выдавил из себя Дмитрий.

— Тогда пойдете. Тем более, это здесь рядом.

Питер действительно жил неподалеку, в новом современном корпусе, который еще так понравился Дмитрию, когда он проходил мимо него в первый раз. Не меньше корпуса понравился ему и номер: светлый, просторный, обставленный мягкой удобной мебелью. На тумбочке стоял импортный телевизор. Эти хоромы совсем не походили на тот обшарпанный клоповник с разбитой мебелью, куда запихнули его.

«Говорят о христианском братстве, а сами явно не желают претворять свои принципы в

жизнь» — усмехнулся про себя Дмитрий.

— Садитесь, — указал Питер на мягкое кресло. — Сейчас достану что-нибудь выпить. — Он извлек их холодильника бутылки пепси и минеральной воды.

Ну да, они же исповедуют полный отказ от употребления алкоголя, вспомнил не без некоторого огорчения Дмитрий. Почему-то у него возникло желание выпить чего-нибудь покрепче, нежели то, что предлагал ему хозяин номера.

— Знаете, Дмитрий, я в России уже не первый год, — обдал Питер Дмитрия своей неизменной улыбкой. — Кажется хорошо знаю страну, но затем всякий раз убеждаюсь, что не совсем понимаю, что тут происходит. Вот, например, ваши высказывания...

Питер долгим взглядом пробуравил Дмитрия, но тот ничего не ответил, вместо этого налил себе полный бокал пепси.

— Мне почему-то казалось, что вы человек верующий. Вы так глубоко мыслите, а глубоко мыслящий человек не может пройти мимо Бога.

— Я не прохожу мимо Бога, другое дело, что я об этом думаю.

— Но у вас о нем очень странные представления. Вы согласны?

— Но в чем они странные, я не понимаю. По-моему похожие мысли уже высказывались

неоднократно.

— Да, конечно, но всякий раз эти мыслители оказывались несостоятельными. Ниспровергатели христианства уходили в забвение, а христианство в очередной раз торжествовало победу. И разве моя история не доказывает, что заложенная в христианстве истина всесильна и бессмертна. Разве мое спасение не чудо?

— Все зависит от того, как человек воспринимает мир. Один скажет, что помог Бог, другой — он спасся благодаря проявленной им силы воли.

Питер принужденно рассмеялся.

— С вами трудно спорить, еще труднее — убеждать. И все же позвольте с вами не согласиться. Бог не только не уходит, он становится все более необходим. Грехопадение человека вовсе не закончилось после того, как был нарушен завет божий, и первые люди были изгнаны из рая, оно продолжалось все это время. Более того, в последнее время оно заметно ускорило. Очень долго в людях жило сознание того, что накопление знаний само собой приведет к исправлению их собственной природы, улучшению общественного устройства. Но знания на самом деле разрушают человека, он становится неудержим в приобретении все новых и новых его порций. И все больше забывает о душе. Причем, если раньше это

происходило в основном на бессознательном уровне, то теперь он это делает вполне осознано. Ибо, увеличивая пределы своего познания, он увеличивает и свою гордыню. Кроме того, знания постоянно членятся и все дальше уводят человека от общего их источника, от Бога. Человек теряет ориентацию. О, я отнюдь не мракобес, я не отрицаю необходимость познания. Но ведь надо же давать отчет, чего могут дать знания, а чего — нет. Именно в этом вопросе и кроются самые большие заблуждения. Мы добиваемся сближения мировых церквей именно потому, что только так можно преодолеть трагические разногласия и предложить единый для всех путь. Вместо того, чтобы искать истину, основные силы сейчас тратятся на борьбу друг с другом, на поиск аргументов с целью оправдания своей позиции. Поэтому пока существует раскол, ничего кардинально в мире измениться не может.

— Я понимаю вас, — сказал Дмитрий, — но почему вы считаете, что ваша церковь окажется лучше других и сможет решить те проблемы, с которыми не справились другие конфессии. Меня всегда удивляло то обстоятельство, что каждая религия претендует на полную монополию на обладание Богом. А к чему приводит монополизм, нам объясняли много раз.

— Мы не претендуем на монополию, мы

хотим только внести свой вклад в дело преобразования земной жизни. Или вы отрицаете необходимость этого?

— Нет, не отрицаю.

— Я рад, что вы со мной, наконец, согласились, Дмитрий, — улыбнулся Питер. — Вы один из лучших российских журналистов и ваше сочувствие нашему движению для нас очень важно. Более того, я убежден, что наша встреча предопределена свыше. И нам с вами предстоит еще решать немало совместных задач. И потому меня несколько удивляет то, что вы говорите во время дискуссий в группе. Это все очень интересно, но чересчур, как бы это сказать, спорно. Нам бы не хотелось, чтобы на нашем семинаре звучали бы подобные темы. Я надеюсь, вы понимаете меня?

«Вот и вся их свобода, — подумал Дмитрий. — Они платят и хотят, чтобы за их денежки люди говорили только то, что хочется им. Они хотят преодолеть раскол, навязав всем свою волю. Старый традиционный способ борьбы за единство. Неужели им неизвестно из истории, что подобные методы всегда приводят к одному — к новому разделению».

Внезапно Дмитрию показалось, что сквозь любезную улыбку Питера проступают суровые инквизиторские черты. Чем они лучше наших коммунистов, они тоже мечтают посадить всех за

колючую проволоку своей идеологии. Христос им нужен для того, чтобы управлять миром и манипулировать людьми. Может быть, они сами этого не сознают, но каждого инакомыслящего они подсознательно воспринимают, как потенциального врага. Питер и его команда лишь в очередной раз доказывают, что никакие благородные цели не в состоянии изменить сущность человека; сначала необходимо ему стать другим, а затем уж заняться преобразованием мира.

— Я, наверное, вас утомил своими разговорами, — вновь озарился Питер лучезарной улыбкой. Но Дмитрий больше не верил в его доброжелательность, Питер совершил ошибку, приоткрыв свою истинную сущность.

— Да нет, все в порядке. Работа журналиста в том и заключается, чтобы разговаривать с людьми. — Он видел, что Питер ждет от него более определенных обязательств, но давать их ему он не собирался. В конце концов он не напрашивался на эту поездку, они сами его пригласили, а потому не имеют права чего-то требовать от него.

— Я надеюсь, — сказал Питер, — что возвратясь в Москву, вы напишите объективную статью о том, что здесь происходит. Наша церковь вам будет весьма благодарна за это. — Последние слова были произнесены с такой странной интонацией, что заставило Дмитрия удивлено

посмотреть на своего собеседника.

— Это я вам обещаю, что материал будет объективным, — ответил Дмитрий.

Когда Дмитрий вышел на улицу, уже начинало темнеть. На небе выступила пока еще редкая сыпь из звезд, а с моря как всегда в это время дул прохладный ветерок.

А ведь в каком-то смысле это была вербовка. Правда не в шпионы, а в адепты Церкви Всеобщего Единения. И слова о благодарности произнесены не случайно. Правда, что за ними стоит, не совсем понятно.

Дмитрий спустился на заполненную отдыхающими набережную. Он чувствовал себя одиноким. Если бы не этот дурацкий разговор с Питером, то кто знает, может быть, он тоже сейчас бы прогуливался с девушкой. У него возникло желание спуститься к морю, но затем он передумал. Опять под аккомпанемент шума волн начнет размышлять о вечности, о смысле жизни и других подобных бессмысленных вещах. У него сегодня нет желания предаваться столь бесплодным размышлениям. Но в таком случае ему остается только одно — идти спать.

* * *

Утром в столовой Питер объявил, что после

обеда вместо лекции их ожидает прогулка по морю.

Небольшой теплоход плавно раскачивался на волнах. С первой минуты посадки, Дмитрий старался ни на секунду не упускать из вида свою избранницу. У сходней образовался затор, который отделил его от нее. Он испугался, что она ускользнет от него в очередной раз. Он бросился в толпу, пытаясь, как волнорез, рассечь ее пополам. На него зашикали, кто-то даже больно ударил локтем ему в ребро. Но сейчас ему было не до таких мелочей; приз, за которым он устремился в погоню, был чересчур велик и значим.

Девушка сидела на закрытой палубе, у окошка. Прямо напротив нее было свободное место, и он поспешно плюхнулся на сиденье. Впервые их больше не разделяли никакие внешние преграды.

Теплоход уже минут 20 скользил вдоль побережья. Покатые крымские горы окунались в море, а на редких ровных площадках возвышались самые разнообразные строения — плоды причудливой фантазии многих поколений архитекторов. Дмитрий и девушка уже несколько раз встречались взглядами, и каждый раз казалось, что беседа вот-вот завяжется, однако шло время, а ее узелок так и не разматывался.

— Смотрите, а вот и «Ласточкино гнездо», — воскликнула вдруг девушка.

— Да, — радостно подхватил он, —

действительно «Ласточкино гнездо». Я помню, как возили меня сюда родители. Но это было очень давно, я тогда даже не учился в школе.

— А я первый раз в Крыму.

— Первый раз, — искренне удивился он. — А мне казалось, что в нашей стране нет человека, кто хоть раз не побывал здесь.

— А я думаю, что таких немало.

Они снова замолчали, и Дмитрий испугался, что так замечательно начавшийся разговор может прерваться.

— Вы мой коллега, тоже журналистка? — спросил он первое, что пришло в голову.

— Я работаю на радиостанции «Надежда».

— Вот как, а я ее иногда слушаю. Может быть, даже слышал ваш голос. А я работаю в «Национальной газете».

— Я знаю, — чуть заметно улыбнулась девушка.

— А как вы сюда попали? Тоже по личному приглашению Питера?

— Нет, абсолютно случайно. Должна была поехать другая сотрудница, но у нее заболел ребенок. Она предложила отправиться сюда мне.

— А меня пригласил Питер. — Он поймал себя на том, что как бы немного хвастается этим обстоятельством. — Хотя меня это удивило, — поспешно добавил он, — мои предыдущие

контакты с ним ограничивались одной встречей. Кстати, а как вам кажется все это действо?

— Не думаю, что у них что-нибудь здесь получится. Хотя бы потому, что они проповедуют воздержание от алкоголизма.

— Но у нас достаточно людей, которые не пьют. Мне кажется, у нас есть те, кого может заинтересовать это учение. Тем более мы падки на все иностранное. Христос в американской упаковке для многих может показаться привлекательнее, чем в отечественной таре. Все это рассчитано отнюдь не на тех, кто пытается посмотреть в суть. В том, что они говорят, нет ничего нового, просто идет бег по кругу, подобно лошадям на скачках. Однако приходит новый человек и провозглашает себя очередным пророком. И процесс этот судя по всему бесконечен. Все время находятся люди, желающие быть диктаторами и желающие стать мессиями. К сожалению, мы все никак не можем угомониться и поумнеть.

— Я тоже не вижу в этом ничего нового. Просто появилась еще одна религиозная секта.

Ему понравилось, что у них оказалось общее мнение на этот счет.

— Знаете, — засмеялся он, — мне нравятся американцы. Они прагматичны во всем. Многим почему-то кажется, что прагматики — это безыдейные, циничные люди. Но я понял, что как

раз все наоборот. Именно среди прагматиков больше всего идеалистов. Только у них идеализм тоже прагматичный. Им нужна такая религия, которая решала бы все проблемы сразу, одним взмахом своей религиозной метлы отметала бы все сомнения, нужна такая вера, чтобы они могли бы чувствовать себя комфортно, ощущать хорошими и богопослушными. Вот они и предлагают сразу кардинальное решение: давайте все объединимся и будем жить дружно, так чтобы ничего не мешало бы заниматься нашим бизнесом. Может быть, поэтому они не интересуются другими народами, их религиозными и философскими воззрениями. Некоторые из них живут у нас уже не один год, но, как я мог заметить, они по-настоящему так и поняли страну, в которой находятся. Иногда мне кажется, что они на нас смотрят как на туземцев. Они даже не осознают, что те идеи, что они тут проповедуют, не идут ни в какое сравнение с той философской культурой, что есть у нас. Прежде чем читать нам лекции им бы познакомиться с нашей философской литературой. Может быть, тогда они бы вели себя немного скромнее.

— Я тоже полагаю, что большого успеха им тут не добиться. В нашей стране устойчивые традиции православия.

— Традиции, безусловно, существуют, но, как мне кажется, православная церковь не

удовлетворяет полностью религиозные потребности народа, особенно той его части, которая обладает западным менталитетом. Мне кажется, что мы находимся на пороге нового религиозного раскола.

— Между прочим, мы так и не познакомились, — вдруг сказала девушка.

— Действительно, — засмеялся он. — Я как-то и забыл об этом. Меня зовут Дмитрий.

— А меня — Лена.

Больше проблем с поисками тем разговоров у них не возникало, они появлялись как бы сами собой, словно рождались из воздуха или из моря, и одна плавно перетекала в другую. Они даже не заметили, что теплоход повернул назад и направился к пристани. Внезапно шум на палубе заставил их обратить внимание на то, что происходит вокруг. Рядом с кораблем из моря, словно обломанные клыки, выступали две скалы. Расстояние между ними было совсем небольшим, но несмотря на это их посудина явно намеревалась протиснуться между этими каменными глыбами. Все сгрудились у борта, гадая чем кончится эта капитанская бравада.

Внезапно Дмитрий ощутил приступ острого страха. В уме само собой возникла история с «Титаником». А что если сейчас все закончится так же и их всех поглотит морская пучина, всегда готовая принять новую добычу. Он представил себя

лежащим на морском дне, покрытый тиной и водорослями. От этой воображаемой картины ему стало не по себе. Интересно, кто-нибудь еще думает о чем-нибудь подобном или только у него возникают такие ассоциации.

Он посмотрел на Лену; она с интересом наблюдала за движением корабля. В этот миг раздались дружные аплодисменты; теплоход благополучно миновал опасное место и прямым курсом направился к пирсу. Дмитрий облегченно вздохнул; он сам не понимал, почему им овладел такой острый и по сути дела беспричинный страх; ведь никакой реальной угрозы для жизни не было, можно не сомневаться, что капитан много раз проделывал этот несложный трюк. Как бы то ни было он жив и наконец-то произошло знакомство, о котором он думал все последние дни.

* * *

Утро выдалось солнечным, небо было таким чистым, что его голубизна слепила глаза. Дмитрий легко вскочил с кровати, бросил взгляд на храпящего соседа. Впервые за все эти дни он чувствовал себя по-настоящему полным сил и энергии.

Так как было еще рано, он не стал ждать Лену, решив, что они встретятся в столовой. Ему

захотелось прогуляться по еще не до конца пробудившемуся Гурзуфу.

Это была великолепная прогулка по тихой, залитой золотистыми волнами солнечного света набережной. Он наслаждался одиночеством и теплом, он почти физически ощущал, как в его душу нисходит такой покой, что хотелось петь и смеяться. Рядом с ним умиротворенно урчало вялое еще не полностью проснувшееся море, и ему захотелось окунуться в него.

Он спустился на пляж, в одну секунду разделся и разбега бросился в воду.

Дальше все произошло точно так, как он и представлял. Они встретились с Леной в столовой, сели за один столик. Позавтракали, затем неторопливо беседуя, направились в лекционный зал.

Американец-лектор через переводчика говорил о божьем промысле, о том, что только через веру человек постигает истину. Дмитрий же думал о том, что они слишком много заботы возлагают на Господа и тем самым сильно облегчают себе жизнь, освобождая себя от поиска собственных решений; если их послушать, то в мире царит полная ясность и нужно только соблюдать заповеди божьи — и не будет никаких проблем. Вряд ли это так, скорее всего они заблуждаются. Если было бы все столь просто, то

не нужна была бы и их Церковь Всеобщего Единения.

Впрочем, все эти вечные и божественные проблемы занимали его не слишком сильно, гораздо больше Дмитрий думал совсем о другом — о том, что произойдет тогда, когда плотная, словно вакса тьма, спустится с почерневших небес на землю. У него даже возникло желание попросить соседа на некоторое время удалиться из номера, но затем он все же решил не делать этого и не форсировать события; пока нет никаких оснований считать, что все станет разворачиваться именно по такому сценарию. Наоборот, что-то подсказывало ему, что до такого финала еще далеко и если он будет спешить, то все может легко испортить.

За ужином они договорились, что после короткого отдыха встретятся на набережной. Вернувшись в корпус, Дмитрий тщательно умылся, причем вымыл не только лицо и руки, но и на всякий случай некоторые другие места, которые могли бы ему сослужить службу при свидании. Затем уже в комнате из сумки достал чистое белье и новую рубашку, окропил себя одеколоном. Он чувствовал, что сильно волнуется. Внезапно он поймал себя на том, что все эти дни практически не думал ни о жене, ни о дочери. Им владело ощущение, что они остались в другой жизни, в которую ему правду в самое ближайшее время

предстоит вернуться. Но сейчас он как бы берет отгулы от нее и не хочет ни о чем думать, ничего вспоминать. Есть реальность, в которой он сейчас пребывает, и она словно бабочку на огонь, неотвратима влечет его. И у него нет намерения сопротивляться этому зову.

На место встречи он пришел, естественно, первым. Уже совсем стемнело, рядом в баре громко играла музыка. Прошло еще несколько минут, но девушке не было. Он стал волноваться: а если она не придет.

«Нет, этого не может быть, я так долго ждал этого момента, судьба не может так жестоко посмеяться надо мной», — негромко сказал он сам себе. И в это мгновение услышал ее шаги.

Они быстро решили, что спустятся к воде.

С набережной на пляж вела довольно крутая лесенка. Темнота делала ступеньки невидимыми и чтобы поддержать ее, он взял Лену за руку. Пальцы у нее были мягкие и нежные, они спокойно лежали в его ладони, он слегка сжал их, но не почувствовал ответной реакции. Это огорчило его, и он не осмелился повторить свой эксперимент еще раз.

Они сели на камни в несколько сантиметров от кромки воды. Дмитрий вдруг почувствовал такое волнение, что даже пожалел, что все это затеял. Он не знал ни что говорить, ни тем более что делать. Ему хотелось ее поцеловать, но какую это вызовет

реакцию, он не представлял.

— Вы любите море? — Вопрос был максимально банальный, но зато позволял хоть как-то раскрутить ленту беседы.

— Скорее нет. Меня особенно никогда не тянуло на море. Почему-то я всегда мечтала о горах, о том, чтобы кататься на горных лыжах. Хотя знаю, что этого никогда не произойдет.

— Почему вы так уверены?

— Не знаю, просто уверена. Разве с вами так не бывает, когда возникает неизвестно откуда уверенность.

— Почему же бывает. Вот, например, сейчас у меня такое чувство, что когда-то мы уже сидели с вами на этом пляже.

— В прошлой жизни, — улыбнулась Лена. — Вы буддист?

— Нет, не буддист, думаю, что я сам не знаю, кто я.

— В таком случае, как же вы живете?

— Как и абсолютное большинство людей, которые не испытывают практически никакой потребности понять, что же в реальности они из себя представляют.

— Странно, а мне как раз показалось, что вы относитесь как раз к той группе людей, которые стараются все анализировать, которые целыми днями и ночами только и делают, что роются в себе.

И уже выкопали огромную там яму.

— А можно узнать, почему у вас сложилось подобное впечатление?

— Просто когда я наблюдала за вами, то почувствовала, что вы как раз из тех людей, которые любят все усложнять. Им неинтересно, когда все просто, им обязательно нужно, чтобы вокруг были сложные проблемы, и они бы глубокомысленно пытались их разрешить.

— Выходит, вы наблюдали за мной?

— Специально нет, но просто я вообще наблюдательная.

Последнее ее замечание немного огорчило Дмитрия, он бы предпочел, чтобы она обратила бы на него повышенное внимание.

— На семинаре не так уж много народа, поэтому каждый бросается в глаза, — добавила Лена.

Дмитрий подумал, что народу на семинаре вполне достаточно, и он, например, вряд ли может дать кому-нибудь из его участников столь же детальную характеристику. Да из всех присутствующих он, пожалуй, по-настоящему обратил внимание только Лену.

— Знаете, — сказал он, — вот в такие теплые тихие вечера человек особенно чувствует свое одиночество.

— А вы чувствуете одиночество?

Внезапно он вдруг испытал острое потребность исповедоваться. Такое желание возникало у него не часто, по натуре он был закрытым человеком и привык скрывать даже от самых близких людей свои переживания. Тем острее у него периодически появлялась необходимость излить перед кем-нибудь душу. Правда, в последнее время он давно это не практиковал, как-то привыкнув жить в собственном коконе. Но тем сильнее овладело им сейчас искушение.

— Мне кажется, — медленно проговорил он, — что одиночество — это вообще удел человека. Он просто приговорен к нему самой природой. А его жизнь — это попытка оспорить этот приговор. Если это было бы не так, то тогда он бы не находился в постоянном поиске любви, дружбы.

— А вам не кажется, что если вы рассматриваете любовь, дружбу только как средство борьбы с одиночеством, то тогда вы никогда не избавитесь от него. И вы так говорите обо всем этом, что так и кажется, что вы лишены и любви и дружбы.

— Ну, в общем, где-то так и есть.

— Почему?

— Так уж сложилось. Вернее, так уж я построил свою жизнь. Почему это произошло?

Боюсь это долгий и не очень интересный разговор. Я всегда считал себя талантливым, стоящим выше других, поэтому смотрел на окружающих меня людей как бы свысока. А это, сами понимаете, не создает прочных привязанностей.

— А мне кажется, что если у вас нет ни любви, ни дружбы, то по-настоящему вы в этом не нуждаетесь.

Эта мысль показалась ему странной. Ее странность заключалась в том, что одновременно она была верной и неверной. Он нередко ловил себя на том, что испытывает большую потребность в любви и дружбе, но когда возникала возможность их обрести, он вдруг начинал уклоняться от новых связей, всячески охранять свое неприкаязное одиночество, как самую свою большую драгоценность в жизни. И это было то тягостное ее противоречие, которое он безуспешно пытался разрешить.

— Я думаю, вы не правы, — сказал он. — Конечно, бывают разные периоды в жизни, и все же нет человека, который бы не хотел иметь любимую женщину или близкого задушевного друга. Разве у вас не так?

Он почувствовал, что ей не хочется продолжать разговор на эту тему. И как бы в подтверждение этого он заметил, как она слегка отодвинулась от него.

— Я немного замерзла и хочу спать, — вдруг объявила она.

— Да, пойдете. — Уходить ему не хотелось, хотя по его прикидкам они просидели на берегу не меньше часа.

Они стали подниматься по лестнице, и Дмитрий снова взял ее за руку. Он сжал ее пальцы, но, как и в первый раз, не дождался ответного пожатия. Это его разочаровало, и он даже подумал, что может быть вечер прошел впустую, и он сделал ставку совсем не на ту.

Молча они вошли в спальный корпус. В коридоре было пусто, горела единственная лампочка, разбрасывая вокруг себя слабое подобие света.

— Спокойной ночи, — сказала Лена. — Хорошо, что мы посидели у моря. Я здесь почему-то плохо сплю, а сейчас чувствую, что засну мгновенно.

— Я рад, что сумел оказаться вам полезным, — заставил он себя засмеяться.

Она повернулась и направилась в свой номер.

* * *

Дмитрия разбудила мысль, что осталось всего 2 дня до отъезда. Им вдруг овладело какое-то странное лихорадочное состояние, возникшее из

смеси нетерпения и предчувствия чего-то важного, что должно вот-вот произойти. Ему захотелось немедленно увидаться с Леной, он остался недовольным их вечерним разговором, он так и не сказал самого главного, что могло бы кардинально изменить их отношения. Вместо этого мямлил о чем-то самому малопонятном — вот в результате и получил то, что получил. Но он надеется, что сегодня сумеет исправить свою оплошность.

Они шли по утренней набережной, но разговор протекал вяло. Ему казалось, что их вчерашняя беседа продолжится как бы сама собой, но вместо этого они перебрасывались отдельными замечаниями по поводу того, какие сюрпризы готовят им сегодня организаторы семинара. И хотя он был сейчас сильно недоволен собой, он радовался тому, что идет с девушкой, которая ему нравится все больше и больше, и что вполне вероятно они вместе проведут целый день.

Так и случилось. После завтрака они недолго посидели на лекции, затем спустились на пляж и по разочку приняли морскую купель. Однако настоящая беседа по-прежнему не налаживалась, ему все время казалось, что Лена постоянно размышляет о чем-то своем, что-то взвешивает на своих невидимых ему весах. Ему хотелось разгадать ее мысли, пару раз он даже задавал наводящие вопросы, но она отвечала очень

уклончиво — и он разочарованно прекратил расспросы. Сам же он тоже никак не мог найти нужные слова, дабы растопить все еще сохраняющуюся между ними отчужденность; ему мешало то, что он никак не мог уловить ее настроение, понять причины ее сдержанности.

Вечером он пригласил ее в бар, расположенный рядом с их спальным корпусом. Денег было в обрез, но предварительно он изучил там цены и пришел к выводу, что все же способен осилить предлагаемый этим заведением весьма скромный ассортимент напитков и закусок.

Они взяли по коктейлю и сели за столик. Буквально в 100 метрах от них плескалось море. Однако тихую музыку волн полностью забивала другая, вылетающая из мощных динамиков, и напрочь заглушающая все другие звуки южного вечера.

— Завтра наш последний день, — сказал Дмитрий. — Мне не очень хотелось ехать сюда, а сейчас не хочется уезжать отсюда. Я очень рад, что оказался здесь.

— Что же вас так обрадовало? — улыбаясь, спросила Лена.

— Во-первых, провести неделю у моря — всегда прекрасно, а во-вторых, вот познакомился с вами.

— Вы полагаете, что ради этого стоило ехать

в такую даль.

— Конечно, — уверенно и даже с некоторым пылом произнес он, — встретить человека, с которым приятно общаться — ради этого не жалко преодолеть и большее расстояние. Я убежден, что в жизни нет ничего важнее чем общение. Его нехватка — это причина многих людских трагедий, неудавшихся судеб.

— Я заметила, вы любите философствовать, — проговорила Лена.

— В общем да, это одно из любимых моих занятий. — Ему показалось, что в ее последних словах прозвучала насмешка, и он решил доказать, что она ошибается. — Философия позволяет обрести мировоззрение, а оно необходимо человеку не меньше близкого друга. Без собственного взгляда на мир он всегда одинок и неприкаян.

— Но многие как-то обходятся без него. И ничего — счастливы.

— Я не уверен, что их можно назвать счастливыми. Скорей они не счастливы, а довольны. Это можно сравнить с тем ощущением, которое испытывает человек после сытного обеда. Но вряд ли это чувство можно назвать счастьем. А некоторые просто пребывают в таком состоянии постоянно — как будто они только что хорошо пообедали.

— Тогда объясните, в чем заключается ваше

мировоззрение человеку его не имеющего.

— Я считаю, что не существуют людей без мировоззрения, — почему-то хмурясь, проговорил Дмитрий. — Просто одни отдают себе отчет в его существовании, а другие — нет. Но на самом деле все свои действия любой человек совершает исходя из него.

— Насколько я могу судить по вашим словам, вы относитесь как раз к тем редким людям, кто отдает себе отчет в том, что у них есть свое мировоззрение.

— Для меня этот вопрос выглядит несколько сложнее. Я считаю, что наши современные знания о законах мироздания столь далеки от какой-то завершенности, что практически все наши мнения и убеждения просто не могут быть иными кроме как ложными или в лучшем случае неполными. Поэтому для меня любая идеология и даже религия изначально не является истиной в конечной инстанции. Но все дело в том, что очень многие непременно желают стать обладателями окончательных истин. Знаете, сомнение для любого человека — это всегда тягостное бремя, а ему хочется чувствовать себя уютно, комфортно. Вот он и выдумывает различные теории, которые сам же затем обожествляет, превращает в незыблемые догмы. Когда кто-то вам говорит, что он отстаивает свои убеждения, то не верьте ему, на самом деле он

отстаивает свою возможность не сомневаться, жить привычно, чувствовать под своими ногами твердое дно. Самые страшные люди — люди убежденные в своей правоте. Им кажется, что они принципиальные, на самом же деле они просто ограниченные. Поэтому я стараюсь не делать окончательных выводов, я постоянно нахожусь в пути.

— Насколько я поняла, ваше мировоззрение состоит в том, что у вас нет мировоззрения.

— В каком-то смысле так оно и есть, хотя, на мой взгляд, это несколько упрощенный взгляд. Здесь очень важно понять, что тут нет ничего общего с нигилизмом. Быть нигилистом легче всего, это просто все отрицать, я же, наоборот, ничего не хочу отрицать, я стараюсь любую истину, любую идею брать на вооружение. Главное — это не становится ее пленником.

Увлеченный и очарованный своим глубокомысленным красноречием Дмитрий взглянул на девушку. Он ясно сознавал: все, что он говорил, обусловлено одним — стремлением произвести на нее как можно более сильное впечатление. Однако выражение ее лица было абсолютно нейтральным, Лена спокойно потягивала через соломинку коктейль и ему даже показалось, что она слушает его не слишком внимательно, и гораздо сильнее поглощена собственными мыслями

нежели его разглагольствованиами.

— Вы со мной не согласны? — несколько обескуражено спросил он.

— В общем, согласна, но что это меняет. Люди все равно будут вести себя по-прежнему. И кроме того, где та граница, где должно кончаться сомнение и начинаться хоть какая-то уверенность. Нельзя же быть неуверенным во всем.

— Это сложный вопрос, по-видимому, каждый вынужден прочерчивать эту границу самостоятельно в силу своего разума или опыта. Хотя с другой стороны и к нему стоит относиться настороженно, у большинства из нас он уж чересчур ограниченный, а мы подчас пытаемся пользоваться им для решения даже глобальных проблем. Впрочем, мне почему-то кажется, что вам порядком поднадоел наш ученый разговор.

— Да, действительно, как-то стало неинтересно.

От этой откровенности Дмитрий почувствовал себя оскорбленным.

— Хорошо, давайте поговорим о чем-нибудь другом. — Ему неудержимо захотелось сказать в отместку ей что-нибудь неприятное, но у него все же хватило выдержки не делать этого. И в самом деле, что это он так расплескал перед ней свою душу, ведь он о ней почти ничего не знает, может быть, она просто набитая дура. По крайней мере до

сих пор она не сказала ничего уж такого сверхумного.

Несколько минут они провели в молчании, и эта пауза позволила Дмитрию успокоиться. То, что она не дура, в этом он уже успел убедиться. Просто эта тема ей действительно неинтересна. И вряд ли можно упрекать человека за это.

— О чем бы вы хотели поговорить? — уже миролюбиво спросил Дмитрий.

— Ну можно поговорить о вас. Чем вы занимаетесь?

— Вы же знаете, я журналист.

— А о чем пишете?

— Почти обо всем. Мне нравится быть всеядным. Не люблю в журналистике слишком узкую специализацию, жизнь интересна и разнообразна и хочется отражать ее с разных сторон. А вы работаете не так?

— Нет, у меня прямо противоположный подход, я веду несколько тем: юридическую, защиту прав потребителей.

Внезапно впервые за все недолгое время их знакомства он задумался о сидящей напротив него девушке. До сих пор он воспринимал ее в основном как объект своих сексуальных устремлений, а все остальное, что происходило между ними, рассматривалось им скорее либо как необходимая прелюдия, либо как досадная помеха. Он знал, что

хочет покорить ее и использовал для этого имеющийся у него арсенал. Но сейчас он вдруг ясно осознал, что не вправе относиться так к другому человеку. Разве не зазубрил он наизусть так поразивший его однажды категорический императив Канта: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился к нему только как к средству». И если он терпел поражение, то это происходило обычно тогда, когда забывал этот вечный завет.

Лена отодвинула от себя опустевший бокал.

— Мне хочется уйти отсюда, — сказал она. — Надоела эта громкая музыка. Приходиться постоянно напрягать слух.

— Да, конечно, пойдём. — Они вышли из бара. — Может быть, снова посидим у моря, — предложил Дмитрий.

— Пойдемте, куда здесь еще идти.

Море тихо урчало у их ног. Молчание длилось уже несколько минут, а Дмитрий все никак не мог отыскать новую тему для разговора. Он попытался проанализировать свои чувства, но они пребывали в такой неразберихе, что счел за благо отказаться от этой попытки.

— Грустно, — немного неожиданно для себя произнес он.

— От чего же вам грустно?

— Жить грустно.

— Почему же вам жить грустно?

— Даже точно не знаю, но сколько помню себя всегда испытывал такое ощущение. Знаете, ученые делят людской род на самые разные категории: интроверты и экстраверты, холерики, флегматики и прочее. А мне кажется, что можно подразделять людей еще по тому, как они воспринимают жизнь. Одни, чтобы с ними не происходило, всегда все видят в розовом свете, другие же даже если у них все благополучно, все равно чувствуют себя несчастными. Я, по-видимому, как раз из этой несчастливой когорты.

— Я это сразу поняла, у вас все время хмурая физиономия.

— Но это не означает, что я хмурый человек. Наоборот, многие считают, что я обладаю чувством юмора. Просто есть разные уровни сознания. Я их условно называю обыденным или житейским и философским. Так вот на житейском уровне я достаточно общительный и даже веселый человек, а вот в философии — трагик. И это в какой-то степени влияет на мое общее настроение.

— А вы не пытались как-то изменить этот ваш философский настрой?

— Конечно, пытался, но без больших успехов. Это то, что выдано мне при рождении от самой

матушки природы, а с нею бороться очень трудно. Для этого нужно полностью изменить сознание, а эта задача по силе буквально единицам. Не случайно их потом называют святыми.

— А вы не святой?

— Нет, — засмеялся Дмитрий, — со святостью у меня прямо скажу слабовато. «Иначе я не сидел тут рядом с тобой», — добавил он про себя.

Внезапно он заметил, как Лена зябко поежилась.

— Вам холодно?

— Да, немного прохладно.

— Пойдемте домой?

На набережной не было ни души, в баре тоже уже все стихло, и только из-за кустов доносился приглушенный смех. Молча и быстро они дошли до корпуса.

— Что ж, спасибо за еще один проведенный приятный вечер, — поблагодарила его Лена.

Внезапно он сделал то, о чем думал весь их недолгий путь от пляжа до корпуса. Он обнял девушку за талию и притянул к себе. Их губы разделяла лишь тоненькая полоска воздуха, но он так и не решился преодолеть это расстояние. Неожиданно Лена резко отодвинулась и как-то странно и, как ему показалось, не слишком приветливо посмотрела на него.

— Спокойной ночи, я иду спать, — сказала она.

* * *

В это утро Дмитрий проснулся с совсем другим настроением, чем вчера. На душе было сумрачно, у него было ощущение, что он потерпел поражение. Впрочем, размышлять долго на эти темы у него не было времени, так как день обещал быть насыщенным: торжественное закрытие семинара, прощание с американцами, Крымом... Когда он еще приедет сюда?

Он постучался в номер Лены, но ему никто не ответил — скорей всего она уже ушла в столовую. Он оказался прав; придя туда, он увидел девушку. Они поприветствовали друг друга кивком головы, и Дмитрий сел за соседний столик, так как рядом с Леной все места оказались занятыми.

«Что же все-таки между нами произошло?» — в который уже раз спрашивал он себя. Он находился в лекционном зале; на сцене стояла большая группа американцев и услаждала их слух пением веселых религиозных гимнов. Они явно шли навстречу друг другу, продолжал размышлять он. А затем вдруг стали расходиться. Плохо то, что он не уловил тот момент, когда они начали двигаться в разные стороны. Тогда бы он мог

вычислить, что послужило тому причиной. И все же у него есть еще последний шанс что-то изменить в их отношениях.

Американцы закончили выступление, раздали не слишком бравурные аплодисменты, затем на сцене появился сияющий, словно начищенный самовар, Питер. Он стал говорить заключительную речь, Дмитрию же сделалось отчего-то грустно. Завершился еще один эпизод его жизненного пути. Пусть не слишком большой и не слишком удачный, но все-таки он навсегда останется в копилке его жизни.

Вместе со всеми он вышел на улицу. По ставшей уже привычке он стал искать Лену глазами. Она стояла в группе женщин и смеялась. Внезапно чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел Питера.

— Какие у вас впечатления о семинаре? — спросил он. — Вам было интересно?

— Это было полезно и любопытно. Я узнал немало нового. Так что спасибо за приглашение.

— Я рад, что вам понравилось? — широко улыбнулся Питер.

Да, он, в самом деле, в восторге от моих слов, удивился Дмитрий. Или это продолжение его хитрой игры?

— Не желаете ли ненадолго зайти ко мне. Вам, наверное, надо собираться, но время еще есть.

В номере Питер достал из холодильника неизменную пепси-колу и разлил ее по бокалам.

— Не буду скрывать, — сказал Питер, — что наша церковь связывает с этим семинаром большие надежды. И в этом плане мы очень надеемся на вас. Вы известный журналист, вам доверяют ваши читатели и то, что вы напишите, во многом повлияет на их отношение к нам.

— Я понимаю. Могу вам обещать, что буду объективным, напишу о том, что здесь увидел и услышал. — По правде говоря, у Дмитрия вообще не было желания ничего писать о семинаре, хотя он и понимал, что это не совсем корректно по отношению к его организаторам. Но после слов Питера он почувствовал, что отвертеться ему не удастся.

— Объективно — это хорошо, нам и не надо ничего другого, кроме объективности, ибо наши намерения абсолютно чисты. Но согласитесь, Дмитрий, что объективность объективности рознь. Вряд ли за эти несколько дней вы настолько прониклись нашими идеями, что сможете в полной мере отразить их в вашей уважаемой газете. Поэтому мне хотелось бы перед тем, как вы отдадите свою статью вашему редактору, предварительно взглянуть на нее. О не для того, чтобы в ней что-то изменять, но может быть исправить, если там будут какие-нибудь

неточности. Думаю, вы согласитесь со мной, что такая правка пойдет только на пользу. — Неожиданно рука Питера только что держащая бокал с пепси куда-то исчезла, чтобы через пару секунд вынырнуть из-под стола с зажатой в пальцах какой-то зелененькой бумажкой. Еще через мгновение она уже перекочевала в ладонь Дмитрия.

Все случилось так быстро, что Дмитрий даже не успел вовремя среагировать на то, что произошло. Он взглянул на лежащую в его ладони бумажку и только теперь понял, что это сто долларовая купюра. Он почувствовал, как вспыхнуло лицо, словно к нему поднесли горящую свечку.

— Возьмите эти деньги, — проговорил Питер. — В вашей стране не существует обычая хорошо платить за хороший труд. Поэтому примите небольшое вознаграждение за вашу будущую работу. Надеюсь, мы с вами еще встретимся в Москве.

Оказавшись на улице, Дмитрий неожиданно для себя как-то воровато осмотрелся, затем достал из кармана купюру, внимательно осмотрел ее с двух сторон. Что делать с этими долларами? Конечно, их надо немедленно вернуть их хозяину. Он еще раз посмотрел на деньги. Чего скрывать от себя, ему совсем не хочется отдавать это нежданно полученное вознаграждение. В конце концов это в

самом деле плата за труд. Питер прав, у нас никогда не ценили талант, и его родители и он всегда работали за гроши. Но с другой стороны нет никаких сомнений, что это не что иное как плохо закамуфлированная взятка. А он взятку не берет. Значит, он должен немедленно вернуть этот «подарок». Он развернулся и направился к корпусу, где жил Питер, но, сделав несколько шагов, остановился. Отдавать их надо было сразу, а сейчас после того как он их взял, это будет выглядеть просто глупо. Внезапно он подумал о том, что сейчас он даже не в состоянии осмыслить всех последствий того, что произошло только что в номере Питера. Но об этом он обязательно поразмышляет как-нибудь на досуге. А пока ему надо собирать вещи.

* * *

Той же самой дорогой, что они ехали в Гурзуф, теперь они возвращались обратно в Симферополь. За окном простирался все тот же крымский пейзаж. Только теперь Дмитрий сидел не один, а рядом с Леной. Прошло уже треть пути, а они так и не разговорились. Ему было грустно: неужели их столь хорошо начавшемуся знакомству приходит конец. И если он сейчас не начнет разговора, то так и произойдет.

— Мы должны поговорить, — сказал он.

— О чем, — как-то холодно и отчужденно отозвалась она.

— О наших отношениях?

— У нас есть отношения?

— Конечно, и мы оба это знаем.

— Хорошо, тогда говорите.

— Мне кажется, что за те часы, что мы провели вместе, мы как-то сблизились, почувствовали некое родство. Вы и я одинаково поняли, что между нами есть что-то общее. Хотя, если говорить честно, в чем проявляется эта общность пока мне, например, не совсем ясно. Но вряд ли этому стоит удивляться, наше знакомство еще очень короткое. И все же я уверен, что чувство меня не обманывает. И теперь только от нас зависит, как будут развиваться наши отношения.

— И что же вы хотите?

— Завтра мы приедем в Москву, где очень легко раствориться в огромном городе. И если мы хотим расстаться, то лучшего способа не придумаешь. Но если мы этого не желаем, то у нас осталось еще немного времени, чтобы договориться. Не знаю, как вы, но я очень хочу, чтобы это произошло.

Лена задумалась.

— Хорошо. Но сперва я должна выяснить кое-какие детали? Скажите, вы женаты?

У Дмитрия заколотилось сердце. Он давно ожидал этого вопроса, ему не давало покоя предчувствие, что ответ на него может положить конец их отношениям.

— Да, — ответил он.

Несколько минут они молчали, и ему даже показалось, что щеки девушки побледнели. Впрочем, он сам так волновался, что не был ни в чем уверен.

— Но в таком случае я не совсем понимаю, о каких отношениях вы говорите, — сказала Лена.

— Но разве женатый мужчина — это монах, он не может вступать в контакты с другими женщинами. Я не знаю, как сложатся между нами отношения, но я надеюсь, что жизнь сама все расставит о местах. Но только в том случае, если мы их не прервем по своей инициативе. Я считаю, что всегда нужно входить в поток, а он уже сам решит, что с нами делать — выбросить ли сразу на берег или позволить плыть дальше вместе с ним.

— Спасибо за лестное предложение, но оно мне не подходит. Я не люблю плыть не зная куда.

— Но почему? — Несколько секунд он ждал ее ответа, но его так и не последовало. — Я хотел бы знать причины. Поверьте, мне это очень важно.

— Хорошо, я отвечу. Я никогда не была замужем, а мне уже 32 года. И мне нужен муж, а не какие-то неопределенные отношения с женатым

мужчиной.

У него было такое чувство, что он только что провалился в глубокую яму. Все надежды померкли в единый миг, и автобус, который все так же катившийся по пыльной крымской дороге, теперь уже окончательно вез его в серое, как солдатская шеренга, будущее.

— Вы не правы, — вдруг решительно произнес он. Лена, удивленная внезапно окрепшим его голосом, быстро посмотрела на него. — Вы не правы, — еще более твердо повторил Дмитрий, — разве можно строить отношения с человеком исходя исключительно из его семейного положения. Это очень обедняет, превращает человека в заложника своих представлений. Я хорошо понимаю ваши проблемы, но ведь нельзя же им целиком подчинять свою жизнь. Она несравненно многообразней и не уместается в простую схему — женат, не женат. Тем более я не понимаю, каким образом наши возможные отношения способны повлиять на ваши планы. Ведь никто же не похищает вашей свободы, вы вправе распоряжаться собой, как вам заблагорассудится. Но подумайте о том, что наша дружба может сделать ваше существование гораздо полным. Расстаться легко, но расставание — это путь в пустоту. А какой смысл туда идти?

Дмитрий говорил так быстро, что его речь

звучала почти как скороговорка. Но по лицу Лены он видел, что она внимательно слушает его. Он пытался определить, какое действие оказывают на нее его слова, хотя он сам не всегда успевал полностью схватывать смысл им же сказанного. То, что он произносил, рождалось в мозгу столь стремительно, что он почти не успевал осмысливать свой речевой поток. Это был поток сознания в самом первозданном виде, которое рождало его отчаяние где-то в самых глубоких недрах его существа. Он сам не ожидал от себя такой страстности и красноречия, однако и не очень удивлялся вдруг пробившейся у него способности к убеждению, ибо понимал, что сейчас борется за что-то очень важное и крайне ему необходимое. Потом, когда он успокоится, он сможет спокойно проанализировать все то, что он наговорил в этом автобусе, но сейчас он полностью полагался на свою интуицию.

— Знаете, я все последние часы размышлял над смыслом нашей встречи, почему судьба решила нас познакомить и сблизить. И у меня такое чувство, что это произошло не случайно, что на нас возложено выполнение какого-то предзнаменования свыше. Не думайте, что эти мысли у меня возникли под влиянием того, что мы наслушались на семинаре, но вы сами сказали, что существуют вещи, в которых ты уверен, хотя

откуда проистекает эта уверенность, определить невозможно. Просто ты знаешь, что это так — и все. Вы согласны со мной, что такое бывает?

— Может быть. Но в таком случае, в чем же по вашему мнению великий смысл нашей встречи?

— Сразу определить это невозможно, нужно время и нужно чтобы развивались сами отношения. Но если мы их оборвем в самом начале, то так до конца и не узнаем, зачем нас познакомили. И тем самым не выполним возложенную на нас миссию.

— Вам не кажется, что это чересчур мистично.

— Мистика — это только термин, а смысл его может быть самый разный. Многие принимают за мистику все то, чего не знают или не понимают. Хотя, пожалуй, об одной цели нашей встречи я все же могу сказать. Мы встретились для того, чтобы обогатить друг друга нашим внутренним содержанием. И мне кажется, что это процесс уже начался.

Он видел, что она задумалась, и решил, что лучшая сейчас тактика — не новый словесный залп, а дать возможность ей самой поразмыслить над сказанным им.

— И что же, по-вашему, мнению будет дальше? — спросила она.

— Я этого не знаю, жизнь покажет.

Лена снова замолчала. Дмитрия же все

сильней поджаривало нетерпение, так как в окне уже показались окраины Симферополя. А это значит, что у него нет иного выхода, кроме как идти напролом.

— Я могу вам позвонить в Москве? — спросил он.

Лена неопределенно пожала плечами, и он понял, что близок к успеху.

— Почему же и нет, я никому не запрещаю мне звонить.

— Вы понимаете, что я имею в виду не это.

— Хорошо, позвоните, а там посмотрим.

— Спасибо.

Автобус замедлил ход, въезжая на привокзальную площадь. Дмитрий откинулся на спинку сиденья и перевел дух. Он победил.

* * *

Там, на юге, осталась жара, а в Москве по-прежнему лили дожди и, как показалось Дмитрию, стало еще унылей.

Он вошел в свою квартиру с каким-то странным чувством: то, что случилось с ним в Гурзуфе, изменило все его ощущения, сделало другими его отношения с Валентиной. Хотя формально ничего не произошло, но он знал, что на самом деле это не так, он изменил жене. А то, что

дело не дошло непосредственно до самого акта измены, ничего не значит, даже если его никогда и не будет все равно он проявил супружескую неверность так как хотел переспать с другой женщиной и делал все от себя зависящее, чтобы это случилось.

Дочь бросилась ему на шею, Валентина, хотя и сдержанно, но радостно улыбалась. Как всегда она стала подробно расспрашивать о его впечатлениях, о том, чем он занимался все эти дни.

Дмитрию казалось, что тем детальнее он расскажет о том, что было на семинаре, и как он проводил время, когда не сидел на лекциях, то тем меньше шансов, что у жены возникнет подозрение, что он что-то утаил от нее. Но рассказывая, он вдруг поймал себя на том, что пристально рассматривает Валентину и замечает то, на что он как-то не обращал особого внимания: на морщинки и складки возле глаз, на несвежую кожу, шершавые руки, которые нечасто и безуспешно пытался смягчать крем... И вдруг он отчетливо понял, что брак их не удался, они так и преодолели барьера отделяющего их от формального сожительства двух чужих людей от появления подлинной семейной пары. Конечно, эта мысль не являлась для него откровением, но сейчас она высвечивалась особенно ярко, как надпись на световом табло.

Хотя с другой стороны, а могло ли быть

иначе. Он вечно полуголодный студент, живущий в грязном общежитии в компании с алкоголиком и наркоманом, встретил девушку, имеющую свою пусть и очень маленькую квартирку. Стоит ли удивляться, что в нем вдруг вспыхнуло горячее чувство, которое обожгло их обоих. В их отношениях каждый с самого начала обманывал и себя и другого, они делали вид, что любят друг друга; на самом же деле ему не терпелось как можно скорее выбраться из того ада, в который он ежедневно возвращался после занятий; она же не очень привлекательная и застенчивая просто хотела выйти за муж.

Правда в первое время после обретения в Москве собственного жилья им владели совсем иные ощущения. То, что он стал владельцем московской квартиры, кружило голову. И для него даже не имело значение то, что его столичные владения были такими тесными, что в заставленной мебелью комнате для них с женой с трудом находилось место, а кухня была не больше трамвайного задка, где даже одному человека было не просто развернуться. И только через некоторое время он стал замечать эту страшную скученность, которая достигла небывалого размера после появления здесь третьего очень маленького, но требующего как ни странно большого пространства существа, — их дочери. Наверное, именно с того

момента в его подсознании отчетливо сформировалось отвращение к этому убогому жилищу, где ему выпало пребывать до конца своих дней.

— Папа, а какой ты мне привез подарок? — спросила Вероника. Дмитрий достал из сумки несколько крымских сувениров. Он знал, что разочарует ее, но на большее у него не хватило средств; деньги, предназначенные на эти цели, остались в гурзуфском баре.

— И этот все? — надула губки девочка.

— Ты же знаешь, что у нас сейчас нет лишних денег.

Вероника насупилась и отошла от отца. Реакция дочери была не совсем привычной, обычно она гораздо спокойнее относилась к таким вещам. Дмитрий вопросительно посмотрел на жену. Валентина ответила ему каким-то странным взглядом, смысл которого он не понял. Ладно, выясню потом, решил он.

Вечером, когда они легли спать, Валентина прижалась к нему, и он со вздохом подумал, что придется заниматься любовью. Он чувствовал утомление и полное отсутствие всякого желания. Однако с его стороны было бы неблагородно отказать ей в таком пустяке после вынужденного недельного поста.

— Меня тревожит Вероника, — зашептала

она ему в ухо, прислушиваясь к дыханию спящей дочери. — Она ведет себя странно.

— Что ты имеешь в виду?

— Она стала замкнутой, может за целый день не сказать ни слова. А если заговорит, то задает очень странные вопросы.

— Например.

— Она стала вдруг интересоваться Библией, спрашивает что такое грех, являемся ли мы с тобой грешниками?

— Действительно, весьма своеобразное проявление интереса к своим родителям. Хотя с другой стороны сейчас все помешались на религии, у всей страны массовый прилив религиозности. Людям кажется, что таким образом они очищаются от скверны прежней жизни и готовят себя к новой, более светлой. А на самом деле они лишь ищут новый наркотик, чтобы уйти подальше от действительности.

— Ты думаешь, что в этом нет ничего особенного?

— Не знаю, Валя, одно дело, когда каждый идет к Богу собственной дорогой, и другое — когда направляются к нему всем скопом. Обычно такие походы плохо кончаются, стадное чувство даже в богоугодных делах никогда не приводит к хорошему. Люди попадают во власть к каким-нибудь проходимцам от Бога. А их, поверь,

мне не меньше, чем в любой другой сфере. Нам надо попытаться понять, что на самом деле происходит с Вероникой? Тогда можно будет что-то сказать.

— Я пыталась, но она не желает ничего объяснять. Может, ты попробуешь.

— Хорошо, я постараюсь выяснить, что происходит. Но, думаю, что ничего особенного. — На самом деле он был встревожен, эта внезапная религиозность дочери была плохим симптомом, ибо отражала какое-то неблагополучие в ее внутреннем мире. И дело по его мнению заключалось не том, что она начала заниматься богоискательством, а в том, что эта потребность вспыхнула столь внезапно. Но пока он не поговорит с Вероникой вряд ли есть смысл предаваться детальным размышлениям на эту тему, не надо заранее создавать предвзятое мнение, чтобы затем не попасть к нему в зависимость. А сейчас же у него другая задача, побыстрее закончить сеанс любви и заснуть.

* * *

В редакции все оставалось по-прежнему, как будто он никуда и не уезжал. Несколько сотрудников спросили у него, как он провел время на море и на этом интерес к его возвращению иссяк. Он стал листать газету, перед отъездом он сдал

материал, который, по его мнению, должен был вызвать определенный резонанс. Найдя его на полосе в одном из номеров, он почувствовал удовлетворение.

Газета, в которой он работал, считалась весьма авторитетной и влиятельной, но эта ее репутация слабо сказывалась на благосостоянии сотрудников; зарплата была низкой и неизменно проигрывала в гонке с ростом цен. Поэтому Дмитрий пребывал в перманентном состоянии поиска денег, он пытался подрабатывать в других изданиях, но это требовало немалых затрат и времени и энергии, а приносило сущие гроши. Постоянное безденежье сильно угнетало его, он ощущал себя неполноценным человеком, пасынком судьбы. Он пытался убеждать себя, что отнюдь не толщина кошелька определяет ценность человека, но когда обычно в конце месяца он был вынужден начинать незапланированный пост, так как не хватало средств даже на то, чтобы каждый день обедать в редакционном кафе, то его невольно охватывало сомнение в этом безусловно верном тезисе.

Дмитрий дочитал свой материал до конца и мысленно похвалил себя; он ему понравился. И все же сейчас его гораздо сильнее занимал другой вопрос — предстоящая встреча с Леной. Еще в Симферополе он решил, что не будет звонить ей

как минимум два дня — в таких делах, как в спектакле, важно выдержать паузу, но теперь он чувствовал, что у него вряд ли хватит терпения ждать столь долго.

И все же ему удалось выдержать еще несколько часов прежде чем он стал набирать номер ее телефона. Он сразу же узнал голос Лены. Но, как ему показалось, большой радости от его звонка она не испытывала, по крайней мере ему показалось, что она говорит с ним чересчур сухо и официально, как важный чиновник на приеме. И все же, когда он ей предложил встретиться, она согласилась.

Пока же надо было заниматься работой, вновь входить в тот поток, из которого он выпал на неделю. Редактор отдела, обрадавшись его приходу, тут же загрузил его заданием. Впрочем, ситуация была самая типичная, в одной фирме делили помещения, миром сделать им это не удалось и одна из сторон в качестве третьей стороны обратилась в редакцию. В таких конфликтах ему приходилось разбираться уже неоднократно, а потому ничего интересного для себя он найти на этот раз не ожидал. Но газете нужны были такие скандальные материалы, они увеличивали тираж, а, следовательно, привлекали дополнительное число рекламодателей.

Но пока он разбирался с обиженными

фирмачами, его мысль постоянно напоминала ему об одном — о предстоящей встрече. А когда до ней остался какой-то час, то он вдруг почувствовал такое волнение, что ничего не в состоянии был ни делать, ни соображать. Он вдруг испугался, что она передумает и не придет. Он хорошо помнил их беседу в автобусе, которая оставляла не слишком много надежды на то, что их отношения потекут по желательному для него руслу.

Но беспокоила его и другая проблема. Чем ближе становился час свидания, тем больше возникало сомнений в правильности его действий. Бессмысленно скрывать от себя, что он хочет, хочет, чтобы Лена стала его любовницей. Но это означает, что он должен уже не только мыслью, но и другим гораздо более материальными органами изменить жене. На юге, когда она была далеко, он как-то не слишком мучился этим вопросом, но здесь ситуация приобретала совсем другое содержание. Когда он впервые отчетливо подумал об этом, то неожиданно для себя испытал обиду за Валентину. Да, у нее немало недостатков, но у кого их нет. В конце концов именно он выбрал ее на роль своей супруги и всем своим поведением за все эти годы она доказала свою преданность ему. И потому она не заслужила подобное к себе отношение. И ему никуда не укрыться от понимания того — чтобы он при этом себе не

говорил, в чем бы себя не убеждал, какие бы глубокомысленные аргументы не использовал бы для своего оправдания — что собирается поступить глубоко непорядочно и нечестно. Одно дело, если бы он сказал ей открыто, что встретил другую женщину, но он собирается поступать прямо противоположным образом и всячески скрывать свою связь с Леной. Если, конечно, она, эта связь, все же возникнет.

Конечно, можно успокаивать себя тем, что множество мужей изменяют своим женам — и мир от этого не взрывается, его не затапливает всемирный потоп, наоборот, тем самым даже нередко разряжаются накапливаемые в семье взрывоопасные заряды противоречий. Но дело в том, что для него — это первый подобный опыт, он еще не приобрел соответствующего морального иммунитета, чтобы столь легко смотреть на адюльтер. И кроме того, в отличие от многих коллег по цеху неверных мужчин он весьма щепетильный в этих вопросах человек; супружеская измена для него не просто такое же обыденное дело, как утренний моцион, прежде чем решиться на это он много размышлял и пришел к выводу, что у него нет другого выхода. Иначе те мучения, вызванные неудовлетворенностью своей жизнью, станут такими острыми, что у него не хватит больше сил их выносить.

Они договорились встретиться на месте встречи всех московских влюбленных — у памятника Пушкину. Хотя он пришел немного раньше назначенного времени он почти сразу заметил ее. Направляясь на свидание, он приготовил Лене небольшой сюрприз; в редакции он прихватил два пригласительных билета на презентацию какого-то очередного бизнес-центра.

— Я рад, что мы с вами встретились в Москве, — сказал он.

Лена промолчала в ответ, и он понял, что ему придется взять инициативу за успешное проведение этой встречи целиком на себя.

— Есть предложение, у меня в кармане лежат два приглашения на презентацию бизнес-центра. Мы можем совместить приятное с полезным, поучаствовать в торжественном мероприятии и заодно поговорить.

— Я не против, поехали.

То, что она согласилась столь легко с его предложением, несколько ободрило Дмитрия и у него даже затеплилась надежда, что все может кончиться сегодня вполне благополучно для него.

Бизнес-центр нашел приют в только что построенном здании, архитектура которого резко контрастировала с окружающими его домами. Из чего Дмитрий сделал вывод, что скорей всего оно сооружено не по отечественному проекту и не

отечественными строителями. Они прошли в просторный холл. Народу собралось много, причем, судя по тому, как одеты были люди, публика была достаточно изысканной и далеко не самой бедной. На втором этаже, куда вела изогнутая змейкой лестница, играл небольшой оркестр. Возле стен расположился караван столов с наваленной на них разнообразной снедью. У бара выстроилась длинная очередь из страждущих за напитками. Было немного непривычно, что никто ни на кого не обращал внимания, никуда не звал, ничего не объяснял, каждый был предоставлен целиком самому себе.

Они продегустировали кушанья, затем Дмитрий усадил Лену в мягкое кресло на втором этаже недалеко от оркестра, а сам отправился за добычей в бар. Вернулся он, держа в руках два бокала с пунцовым, словно кровь, вином.

— Мне очень понравилась этикетка, поэтому я попросил налить мне этого вина, — объяснил Дмитрий свой выбор. — Хотя, что за вино не имею понятия.

Лена отпила из бокала.

— Этикетка вас не подвела, хорошее вино.

— Вам здесь нравится?

— Здесь приятно.

— Больше всего меня удивляет, что мы целиком предоставлены сами себе. Я привык к

тому, что на таких мероприятиях тебя все время опекают, обязательно кто-то непременно выступает в роли тамады или массовика-затейника.

— По-моему так делается во всем мире, каждый должен во всем рассчитывать только на свои силы. В том числе и в вопросах собственного увеселения.

— Наверное, это так. — Он посмотрел на нее и подумал, что пора начинать тот разговор, ради которого они сегодня и встретились. В голове у него уже давно были подготовлены тезисы к их предстоящей беседе, но сейчас он вдруг почувствовал, что эта «домашняя заготовка» мало соответствует тому, о чем бы ему хотелось поговорить. Им вдруг овладел страх, что в соответствующий момент он не найдет нужных слов и все пойдет прахом только потому, что он окажется косноязычным и неубедительным. А он видел, что Лена совсем не против того, чтобы он ее убедил в своей правоте, иначе зачем она согласилась на эту встречу.

— Знаете, Лена, у меня есть одно маленькое предложение, давайте с этой минуты перейдем на ты. Тем более, мне кажется, что мы это делаем с большим опозданием.

— Хорошо, я согласна.

— У меня такое чувство, что это может помочь нашей беседе. Сразу как-то стало легче

говорить. Мы взрослые люди и нам вряд ли стоит делать вид, что мы не понимаем, зачем мы встретились, и что каждый хочет получить от другого. — Дмитрий бросил на нее быстрый взгляд, но ее лицо сохраняло бесстрашие. Впрочем, он уже начинал привыкать к этому ее выражению, понимая, что на самом деле это не что иное как защитная маска, скрывающая ее подлинные чувства. — Так вот, я хочу, чтобы ты стала моей любовницей, — выдохнул он.

— А я могу повторить, что меня не устраивает такой вариант. Я хочу замуж.

— Я понимаю, — вздохнул Дмитрий, — но я женат.

— Тогда и не о чем говорить.

— Но почему, ведь существуют много других вариантов. Нельзя же действовать по принципу: все или ничего. Разве тебе не нужен мужчина?

Ведь у тебя же никого нет?

— Мужчина мне нужен, но не в таком амплуа. Я не люблю дорогу в никуда.

— Но почему в никуда. Нам в с детства вбивали мысль, что человеку непременно нужна великая цель, ибо без нее он ничто и никто. А то, что на пути к этой цели жизнь может оказаться совершенно пустой, — об этом как-то не задумывались. Впрочем, я сам долго думал так же, пока не понял, что идти по большому счету некуда.

Куда бы не пришел, везде в конце концов тоже самое. Важен сам процесс, то, что ты делаешь каждый день. Тогда между прочим и цель легче достигается. Но самое интересное в том, что она сама в этом случае очень часто меняется. Жизнь — это и есть главная и единственная цель. Если ты чувствуешь себя сегодня счастливым, значит, ты добился своего, значит, день прожит не зря. Многие же ценою больших усилий получают то, что хотят, но при этом совершенно становятся опустошенными. Потому что пока они карабкались на вершину, растеряли все силы, и им уже ничего не хочется.

Дмитрий хотел начать очередной пассаж своей речи, но внезапно слова замерли на губах. Лена смотрела на него и откровенно насмешливо улыбалась.

— Почему ты улыбаешься, я сказал что-нибудь смешное или глупое? — не без обиды спросил он.

— Я думаю, каким может мужик быть красноречивым, когда желает затащить женщину к себе в постель.

Дмитрий смутился, ибо почувствовал ее правоту. Ее неожиданная пронизательность и прямота уже не первый раз сбивала его с толку и он понимал, что ему следует вести себя осторожней, ибо подчас уж очень легко позволяет ей

разгадывает свои тайные замыслы и намерения. И все же в данной ситуации он ничего не мог изменить, его воля была целиком подчинена его желаниям, которые заставляли делать и произносить то, что разоблачала его с потрохами.

— Дело не в том, — как-то уныло произнес он, — что я хочу кого-то затащить в постель, я действительно так думаю.

— Пусть так, но ты меня не убедил. Моя позиция не изменилась. Попробуй заглянуть не в начало, а в конец наших отношений, чем они завершатся, когда мы пройдем все этапы. Это тебя не пугает? Я не хочу создавать для себя новые трудности, у меня хватает нынешних. Представь себе, что случится, если я тебя полюблю. Что я по-твоему должна в этом случае делать? Заламывать руки, бросаться под поезд, лезть в петлю? Я не понимаю, с какой стати мне самой для себя устраивать пытку?

Дмитрий почувствовал отчаяние. В том, что говорила Лена, была своя железная логика, разбить которую ему будет нелегко. И все же она казалась ему в чем-то уязвимой, хотя понять сразу ее слабые стороны ему пока не удавалось. Он взглянул на девушку и удивился выражению ее лица: Лена смотрела на него с видом победителя. Но нет, он так легко не сдастся.

— Как всегда все зависит от точки зрения.

Конечно, можно размышлять и таким образом и в каждой ситуации искать повод для мученичества. Из того, что наши отношения складываются не совсем такими, как бы нам хотелось, из этого непременно не вытекает, что нам будет обязательно плохо вместе. Может появиться множество приятных моментов, особенно если мы будем стараться их создавать, а не делать все, чтобы отравить каждый миг наших встреч. Все можно испортить и все можно сделать приятным. Мы становимся несчастными тогда, когда перестаем быть реалистами и становимся максималистами. Все или ничего. Нет ничего бессмысленнее этого требования. То, что мы нашли друг друга в этом человеческом море, — это уже великая удача. И просто так от нее отказываться... Я не понимаю смысл этого поступка. Я не скрываю, что ты мне очень нравишься. Но ведь и я тебе нравлюсь.

— Откуда ты знаешь?

— Тогда ты бы не пришла на эту встречу. И уж тем более не стала бы слушать мои длинные и нудные разглагольствования. Я уверен, что ты сама хочешь сохранить наши отношения. Но тебе трудно отказаться от некоторых заранее внушенных стереотипов.

— И от каких же?

— Ну, например, от того, что для тебя женатые мужчины — это своего рода табу, они не

представляют никакого интереса. Но ведь это абсурд, ведь важен сам человек, какой он, а не его семейное положение. А если бы на моем месте сидел бы какой-нибудь идиот, у которого по сравнению со мной было бы только одно достоинства — он был бы холост. И что, ты повела бы себя совсем иначе, разрешила бы ему ухаживать за собой?

Несколько мгновений Дмитрий молчал, ожидая ее ответа. Но она так ничего не сказала, однако он посчитал ее молчание уже хорошим знаком.

— Знаешь, что меня удивляет в тебе, Лена? Ты проявляешь большую проницательность в отношении моих намерений и мыслей, но по отношению к себе ты как-то глуха. Вместо того, чтобы попробовать разобраться в том, что ты действительно хочешь, ты упорно повторяешь однажды зазубренный тест. А ведь момент ответственный. Мы сейчас можем сделать ошибку, о которой будем жалеть многие годы. Ты мне ничего не хочешь сказать в связи с этим?

— Хочу. Ты не можешь принести еще этого вина, — попросила Лена.

* * *

Прошло несколько дней после их разговора на

презентации бизнес-центра. Тогда они расстались, так и ничего не решив. Но самое странное состояло в том, что сейчас он уже не был столь категорично уверен в своей правоте. Он постоянно возвращался к мысли Лены о том, какой ждет конец их отношениям. Конечно, может случиться так, что они разойдутся легко, выпив до дна бокал их любви. Но возможен и иной вариант, когда получится так, что они не смогут быть ни вместе, ни врозь. И все же ему не слишком хотелось думать о том, какой исход может их ожидать; после последнего разговора Лена понравилась ему еще больше, он понял, что она умнее и глубже, чем он предполагал. Он понял также и то, насколько мучительно сложен для нее этот вопрос; для этого достаточно поставить себя на ее место и сразу события обретали другую окраску. В его попытках переубедить ее он вел себя как классический эгоист, он исходил исключительно из собственных желаний и почти не думал о своем партнере. Но это не означает, что они должны расстаться, просто он должен каждый свой шаг сверять с ее интересами.

И в тоже время он понимал, что дело заключалось не только в том, что его влекло обаяние Лены. Он чувствовал, что между ними существует гораздо более глубокая связь; едва он увидел ее в первый раз, то сразу же ощутил, что его толкает к ней не только мужской инстинкт, но и

какое-то духовное родство. А по нему он испытывал не меньшую жажду, чем по ее манящему женскому телу.

Эта внутренняя смута приводила к тому, что он чуть ли не постоянно пребывал в таком взвинченном состоянии, что даже Валентина заметила его нервозность. Это встревожило его, он еще не изменил жене, а уже выдает себя. С испуга он решил перестраховаться: он не только сказал, что плохо себя чувствует, но и лег в кровать и пролежал почти целый день.

— Послушай, Дима, у тебя нет денег? — спросила Валентина, присаживаясь на кровати рядом с ним.

— Какие-то гроши, только на обед.

— У меня тоже нет денег.

— А что я могу поделать, — раздраженно пожал он плечами, — ты же знаешь, зарплата только через неделю.

Валентина печально вздохнула, а Дмитрием вдруг овладел приступ злости. Опять этот проклятый денежный вопрос, он с какой-то роковой неизбежностью всякий раз напоминает о себе к концу месяца. Впрочем, было бы как раз странно, если бы он не возникал, с теми доходами, которые у них есть, можно только удивляться, что они не умерли с голоду и как-то еще существуют и даже что-то иногда себе приобретают по мелочам.